

19. Юнг К. Г. Архетип и символ / Карл Гюстав Юнг. – М. : Renaissance, 1991. – 297 с.

20. Як відомо, Гоголь зізнавався у листі до О. Смирнової від 25 липня 1845 р.: «Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мертвых душ» [5, XII, с. 504].

УДК 821.14.01

Янковски А.
(Кельце, Польща)

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОВЕСТИ МАРКА ГИРШИНА «ДНЕВНИК ПРОСТАКА. СЛУЧАЙ В ГОСТИНИЦЕ НА 44-Й УЛИЦЕ»

Предметом аналізу у даній статті є проблема самоідентифікації у повісті „Щоденник простака. Випадок у готелі на 44-й вулиці” Марка Гіршина – одного з менш відомих представників російської емігрантської прози третьої хвилі. В аналізі твору автор статті концентрує свою увагу на складному процесі адаптації героїв повісті у американській чужині.

Ключові слова: *Марк Гіршин, третя хвиля російської еміграції, російська емігрантська проза на вигнанні, щоденник*

Предметом анализа настоящей статьи является проблема самоидентификации в повести „Дневник простака. Случай в гостинице на 44-й улице” Марка Гиршина – одного из менее известных представителей русской эмигрантской прозы третьей волны. В анализе произведения автор статьи концентрирует свое внимание на сложном процессе адаптации героев повести на американской чужбине.

Ключевые слова: *Марк Гиршин, третья волна русской эмиграции, русская эмигрантская проза в изгнании, дневник.*

The paper presents the analysis of the problem of self-identity in “The Diary of a Simpleton: Murder on 44th Street” by Mark D. Girshin, one of lesser-known prose writers of the third wave of Russian immigration. The author of the paper concentrates on a complex adaptation process of heroes’ in M. Girshin’s novels in American exile.

Key words: *Mark Girshin, third wave of Russian immigration, Russian prose writers in exile, diary*

Марк Данилович Гиршин (1928) принадлежит к тем представителям русской эмиграции третьей волны, которые, подвергаясь политическим преследованиям, разнообразным запретам, национальным и религиозным гонениям, покинули брежневскую Россию в начале 70-х годов. В одном из интервью, данном, Сергею Довлатову, он признался: «Я уехал, чтобы стать писателем, и стал им, осуществив несложный выбор между тюрьмой и Нью-Йорком. Единственной целью моей эмиграции была творческая свобода. Никаких других идей у меня не было, у меня даже не было особых претензий к властям: был одет,

© Янковски А., 2011

обут, и до тех пор, пока в советских магазинах продаются макаронные изделия, я мог не думать о пропитании. Если бы меня печатали в России, я бы не уехал» [1].

До отъезда в Америку выросший в Одессе писатель, получив образование историка, «преподавал в сельской школе и более 20 лет в профтехучилище» [2: 330]. Как отмечает Сергей Довлатов, «рукописи его произведений долгие годы кочевали по редакциям советских журналов и издательств, но напечататься впервые ему удалось лишь после отъезда на запад в 1974» [3].

Первое произведение М. Гиришина под заглавием «Секретарюк против главинжа» – «современный вариант „Зависти“ Олеши или – если угодно – „Моцарта и Сальери“» увидело свет в Израиле в 15 и 16 номерах журнала «22» за 1980 год [4: 181]. Писательскую известность прозаику, до тех пор не числившемуся в списке «перворазрядных» представителей русскоязычной эмигрантской литературы, принес роман «Брайтон-Бич» (Нью-Йорк 1982), который, «как и обещало его заглавие, <...> был написан о „новых русских“, то-есть об одесских еврейках, с боем отбивших у негритянских бандитов этот некогда преступный, а ныне коммерческий район Нью-Йорка» [5]. Последовавшие за ним книги – «Убийство эмигранта» (Ann Arbor 1983; СПб. 1992), «У Сталина в Сочи» (СПб. 1996), «Мозаика» (СПб. 2000), а также повести и рассказы, опубликованные на страницах таких журналов, как «Звезда» (1999, № 5; 2000, № 1; 2003, № 7), «Нева» (2006, № 12), «Слово\Word» (2007, № 55; 2008, № 58, 59, 60; 2009, № 61, 64; 2010, № 68) и др., сделали прозу живущего в городе Онеонта (США), сегодня уже почти 90-летнего прозаика, достоянием широкого русского читателя.

Небольшая по объему повесть «Дневник простака. Случай в гостинице на 44 улице» впервые была опубликована в Америке в основанном И. Ефимовым издательстве «Эрмитаж» в 1983 году и первоначально носила название «Убийство эмигранта. Случай в гостинице на 44 улице» [6]. Позднее журнальные варианты повести увидели свет в журналах «Нева» (1992, №8), «Слово\Word» (2008, №59) и на нескольких сайтах Интернета.

Среди многочисленных произведений, являющихся производной биографии их авторов (З. Зинник, С. Довлатов, А. Львов, В. Максимов, В. Аксенов, Е. Севела, А. Найман, Л. Улицкая и др.), «Дневник простака. Случай в гостинице на 44 улице» является одной из первых повестей третьей эмигрантской волны, в центре которой находится жизнь тех выходцев из России, кто по разным причинам «покинул СССР и вынужден пройти очередной виток самоосознания и самоутверждения в новой, чаще всего чуждой для него среде» [7:126].

Жанрообразующим стержнем анализируемого нами литературного текста М. Гиришина является вынесенный в заглавие, адресованный «Адели, жене, другу» «дневник», являющийся формой свободного, близкого к сказу повествования, которое, предполагая искренность и почти документальную точность, «ведется от первого лица в виде подневных записей. Обычно такие записи не ретроспективны: они современны описываемым событиям» [8: 121].

Герою повести «Дневник простака» является перенесенный «волею судьбы из тоталитарной зоны в капиталистические джунгли Нью-Йорка» [3], «свежеиспеченный» еврейский эмигрант Алик, покинувший СССР всего две недели тому назад. Поселенный в одной из третьесортных гостиниц Нью-Йорка в центральном районе Манхэттена, он испытывает давящее чувство одиночества и отрешенности от новой, совершенно ему

незнакомой американской действительности. Не знающий английского и не имеющий на первых порах возможности обмениваться впечатлениями, он доверяет толстой тетради-дневнику свои мысли и наблюдения, отражающие процесс его вживания в новый и не понятный ему американский быт. Соблюдая хронологическую датировку записей, герой-повествователь заносит в тетрадь все то, с чем сталкивается и что с ним происходит в течение первых месяцев пребывания по ту сторону океана. Однако не все записи героя-повествователя, начатые им в американском стиле «августа 2-го» [9] (1974 года), имеют точную датировку. Нередко, особенно в заключительной части повести, автор фиксирует бег времени при помощи приблизительных темпоральных определений («новый день», «еще один день», «спустя три дня» и т.п.), которые, сливаясь в одно целое, создают в читательском восприятии впечатление исчезновения протекающего времени [4: 183].

По справедливому замечанию С. Довлатова, «Герой романа оказывается не просто в другой стране, и даже не просто в другом социальном измерении, но – на другой планете, где он настойчиво ищет свое место, будучи отягощен грузом тоталитарного менталитета, неизбежно сохраняя психологическую, нравственную и культурную инерцию советского бытия» [3]. Сидя в вестибюле снятой для него опекающей организацией (в тексте «ОМО» – «опекающая меня организация») гостиницы, ему, бывшему редактору советского издательства, покинувшему Россию не столько из-за антисемитизма, сколько из-за своего директора, хочется вообразить, что он – «такой же, как те, кто спует по улице за дверь», что живет он «в этой стране испокон века и просто зашел в гостиницу повидать приятеля, с которым когда-то учился в одной школе. Но стоит увидеть непонятную вывеску на другой стороне улицы или вспомнить, что надо возвращаться в свой темный номер, и тот кто-то из милости за тебя оплачивает, и настроение меняется» [9].

Обнаружив себя за пределами СССР, герой повести М. Гиришина проходит сложный процесс адаптации к реалиям новой для себя социокультурной среды, часто сопоставляемыми с бытовыми реалиями покинутой родины. На первых порах испытывающий тоску и отчужденность Алик чувствует себя шокированный американской рекламой, «магазинчиками, торгующими сексуальными журналами и показывающими эротические фильмы за 25 центов» [9], ревом сирен скорой помощи и пожарных машин, нахальством нищенствующих чернокожих, о которых советская пропаганда писала, что над ними издеваются. Его поражает и доброжелательность американцев, и жульничество газет, и растущая преступность. Блуждающему по улицам американской метрополии герою бросаются в глаза характерные для городского пейзажа Нью-Йорка небоскребы. «Я, – пишет он в своем дневнике, – иногда сажусь на скамейку, не могу понять, каким ветром меня в Америку занесло. Но настроение хорошее, потому что эти небоскребы ни на что не похожи, они красивее всего, что я до сих пор видел» [9]. Инновационный шок вызывает в нем цветная часть Нью-Йорка, где он чувствует себя «как будто в другой стране», а его жители представляются ему шумной и пестрой массой. Перед ним мелькают сотни «чернокожих, оливковых, коричневых, разные типы лиц, пестрые одежды» [9], и в их толпе он не может найти потерявшегося себя.

В повести М. Гиришина за внешней адаптацией не следует процесс внутренней самоидентификации героя-повествователя с новой для него средой обитания. «Герой, – справедливо замечает С. Довлатов, – обрел свободу, но для того, чтобы самоутвердиться в новом для него мире, этого ощущения явно недостаточно. Герою необходимо заключить

себя в систему более или менее привычных социальных отношений, применить себя на новом и почти неведомом поприще, найти опору в каких-то знакомых ему ценностях и идеалах» [3]. Главным препятствием на этом пути является характерное для многих эмигрантов третьей волны незнание языка страны, давшей им прибежище, национальные и культурно-ментальные стереотипы, наработанные советским воспитанием и жизнью в стране исхода; отсутствие работы с вытекающими отсюда такими последствиями, как неприкаянность, одиночество и фрустрация; ограниченный старой эмигрантской средой круг общения, не дающий возможности полной стабилизации в новой стране пребывания.

В Америке, стране неограниченных возможностей, герой повести М. Гиршина надеется как на работу, так и на творческое сотрудничество с эмигрантской газетой «Новая Речь». Однако предпринятые им попытки пристроить привезенные из Союза рассказы не увенчиваются успехом. Для их публикации в Америке, которая предпочитает издавать переводные романы русских эмигрантов о преступном мире в СССР, написанные «языком современной улицы», нужна не только сенсация, но и имя преследованного на родине писателя.

Не лучше обстоит дело с трудоустройством. Оставаясь на положении иждивенца «ОМО», организации занимающейся перевозом в Америку не только советских евреев, но и тех, «которые только называют себя евреями, а в душе остаются советскими», выдающей «свежим» эмигрантам денежное пособие вплоть до окончания ими курсов английского языка («Потом устраивайтесь сами, здесь свободная страна, и каждый может жить, как хочет»), Алик не может надеяться на работу по специальности. «Как может Америка, – записывает в своем дневнике герой-повествователь, – дать работу по специальности человеку, который вместо „мы“ может сказать „их“ и даже не знает, как по-английски письменный стол. А на литературу надежды мало. Даже если напечатан, говорят, на эти деньги нельзя прожить. Конечно, если у тебя есть имя, тогда другое дело» [9]. Как отмечает Борис Хазанов, «Еще больше времени пройдет, прежде чем совершится смена местоимений, истинная смена „мест“ и „мнений“ – и *они* превратятся в *мы*» [10: 55]. На первой стадии вживания в американскую действительность после безрезультатных поисков в газетных объявлениях и по предложениям старых эмигрантов герой анализируемой повести готов стать даже подметальщиком. «Если бы мне дали настоящую метлу, – с отчаянием признается он в одной из дневниковых записей, – я бы просто подмел улицу, как подметают дворники. Но сначала я бы ее полил, чтобы пыль не летела на прохожих. Во всяком случае, узнал бы, подходит мне эта работа или нет. По-моему, да, но я хочу проверить на практике» [9].

На американской чужбине, в изображении прозаика вовсе не являющейся земным раем, герой повести М. Гиршина, проживающий в тесном и жарком номере гостиницы «Делаварь» на 44 улице, обречен на общение не с американцами, а, в первую очередь, с опекающей его благотворительной организацией и с представителями русско-еврейской диаспоры, показанных писателем в явно сатирическом ключе.

По наблюдениям героя-повествователя часть из русских эмигрантов успела «обамериканиться». Об их внешней идентификации с новой культурно-социальной средой свидетельствуют «разрисованные рубашки, нестриженные волосы до плеч, девушки в шортах, много косметики. И все время или курят, или что-то едят из пакетиков, а по-

том бегают к автоматам пить, так их мучает жажда. А в промежутках жуют жвачку» [9]. Другие, более пожилые выходцы из России, успели по-разному устроиться на чужбине. К галерее последних относится начальник «ОМО», по слухам вовсе не американец, а недавний эмигрант из СССР, не названный по имени нечистоплотный, шумный и нахальный бывший московский сатирик. Он не собирается учить английский, презирает родную литературу и считает, что умение пристроить свои произведения к публикации является неотъемлемой составной писательского таланта. По сообщениям «Новой Речи», в которой он публикует рассказы о преследованиях и антисемитизме в СССР, именно он приступает к политически конъюнктурной работе над романом, «в основу которого положен действительный случай убийства советчиками молодого ученого-эмигранта <...>. Впервые в литературе будут представлены и те, кто воспользовался гостеприимством Америки ей во вред» [9]. Под стать ему и старый, материально обеспеченный эмигрант Ган, «живой капиталист», торгующий пищевыми машинками, и «вполне американка», нечистоплотная Нола/Фира, с которой Алик некоторое время связывал свои надежды на будущее. Однако знающая английской и хорошо устроенная в Америке Нола не думает уходить от своего занятого фабрикой мужа Роберта. Алик является для нее всего лишь удобным средством утоления сексуальных потребностей.

В русско-еврейской диаспоре Нью-Йорка писатель особо выделяет тех знакомых героя-рассказчика, которые, являясь новыми эмигрантами, упорно ищут свое место в новой действительности. В противоположность Ноле, которая «пришла на готовое», парикмахерша Рита – соседка Алика по гостиничному номеру, не доверяя ни одному эмигранту, делает попытки самостоятельно достичь благосостояния в Америке. Без разрешения «ОМО», у которой получает деньги на жизнь, Рита нелегально подрабатывает в парикмахерском салоне и намеревается через год открыть салон там, «где живут богачи» [9].

Устройством в Америке озабочены также супруги Люся и Вова. Последнего, убитого в гостинице на 44 улице, автор дневника считает ловчилой с дипломом, берущим «у общества больше, чем дает, и даже, чем ему нужно» [9]. В Союзе, покинутом «на законных основаниях», преследуемый за свое еврейское происхождение, но защитивший кандидатскую диссертацию, правда, в периферийном вузе, Вова, как отмечает с иронией Алик, жил как все – построил две кооперативных квартиры, купил машину и гараж, но, не чувствуя себя свободным, бросил все и уехал в США. «В эмигрантской газете, – подчеркивает уже с сарказмом повествователь, – о Вовах было написано, что Люся адвентистка седьмого дня, но в Союзе вынуждена была это скрывать, иначе путь в науку был бы закрыт. Врет эта Люся, как не знаю кто. Достаточно побыть в обществе Вов хоть пять минут, чтобы убедиться, они так же далеки от морали религиозных людей, как я от издательской работы здесь» [9]. Не отличающиеся глубокими знаниями Вовы, как о них пишет М. Гиршин, надеются на контракт в американском колледже. На организованной по их инициативе встрече, на которой присутствуют главным образом их же родственники, Алик, несколько новых эмигрантов и три американских профессора, среди которых один – «шеф славянского департамента этого колледжа, другой юрист» [9], они раскованно читают полную противоречий, но, как нам кажется, не так уж далекую от правды лекцию. Ее суть сводилась к тому, что в период разрядки «В Союз <...> попадет больше дефицитных товаров Запада, значит, возрастет потребность в спекулянтах. Их уже сей-

час много, а будет еще больше. И хорошо, потому что они на самом деле не спекулянты, а прообраз возрождающегося класса свободных предпринимателей. Это в городе. В деревне же колхозы разваливаются, и уже заметен рост класса лендлордов. У нас крестьяне их любят называть помещиками, вставил Вова. А сделатья помещиком сейчас в Союзе очень просто. Из колхозов все бегут, поля заросли сорняком, избы заколочены. Вы за гроши покупаете этот дом, записываетесь в колхоз, конечно, не вы, а ваши родственники, желательно пенсионеры. Чтoб не придрались. Других ваших родственников записываете в другой колхоз. Третьих – в третий. Чем больше будет таких тайных держателей земель, тем лучше, пройдет еще несколько лет и окажется, что вся земля уже собрана в их руках, а колхозы существуют только на бумаге. Все очень просто» [9].

В заключение нельзя не заметить, что перед русско-еврейскими выходцами из России стоит нелегкий, по-разному решаемый ими вопрос адаптации к новым реалиям жизни на чужбине. Как справедливо замечает С. Довлатов, эмигрант, нашедший за океаном политическую свободу, может найти свое место или, иначе говоря, самоидентифицироваться с обществом принявшей его страны «лишь ценой напряженной борьбы с искушениями, которые жизнь предлагает на каждом шагу – с искушениями ложью, соглашательством, прагматизмом и моральной неразборчивостью» [3]. И к этому трудно что-либо добавить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писатель в эмиграции. Интервью, данное журналу «Слово–Word», 1991. № 9 (дополненное издание). Эл. ресурс: < <http://www.sergeidovlatov.com/books/slovo.html>>.
2. Чупринин С. Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник в двух томах. Издательский дом «РИПОЛ КЛАССИК». – Москва, 2002. т. I.
3. Довлатов С. Драма на берегу океана. Эл. ресурс: <<http://knigosite.ru/library/read/81543>>.
4. Wołodźko A. Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji. – Warszawa, 1995.
5. Воронель Н. Моцарт и Сальери Марка Гиршина // «Слово\Word», 2007. № 55. Эл. ресурс: < <http://magazines.russ.ru/slovo/2007/55/vo34-pr.html>>.
6. Гиршин М. Убийство эмигранта. Случай в гостинице на 44-й улице. «Эрмитаж». – Ann Arbor, 1983. Эл. ресурс: <http://antisoviet.imwerden.net/girshin_m_ubijstvo.pdf>.
7. Л. Шевченко. Русская проза трех последних десятилетий (70 – 90 годы XX века). Пособие для студентов. – Kielce, 2002.
8. Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Серия Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. – Москва, 2010. № 11 (54).
9. Гиршин М. Дневник простака. Случай в гостинице на 44-й улице. Эл. ресурс: < <http://knigosite.ru/library/read/81543>>.
10. Хазанов Б., Глэд Д. Допрос с пристрастием. Литература изгнания. – Москва, 2001.